

**«КНЯЗЮКОВЩИНА» – ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ
КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СИБИРИ**

Хакасская республиканская организация
«Общество Мемориал», г. Абакан

Шекшеев Александр Петрович –
кандидат исторических наук,
e-mail: Turan47@yandex.ru ([подробнее](#))

Данное сообщение освещает мало известный эпизод крестьянского вооруженного сопротивления коллективизации, произошедший летом 1931 г. на территории Абанского, Дзержинского, Канского и Тасеевского районов Восточно-Сибирского края. Инициаторами и активными участниками выступления, получившего в чекистской среде по имени одного из руководителей название «князюковщина», являлись бывшие партизаны. Автор рассказывает о непростых отношениях, сложившихся между советской властью и данной категорией населения, которые с началом коллективизации еще более обострились. Партизанское сообщество подверглось размежеванию и множественному преследованию. Выражаясь в виде «брожения», «волынок» и случаев «бандитизма», протестное поведение крестьян с участием в нем бывших партизан обрело свои организационные формы и некоторый политический облик. Опираясь на фактический материал, изложенный в архивных документах чекистского ведомства и показав хронику событий, автор сделал вывод, что это крестьянское выступление в череде таких же событий носило разрозненный, локальный характер и объективно должно было закончиться

поражением. «Князюковщина» была направлена на изменение только деревенской политики ВКП(б). «Требование», созданное повстанческими вожаками и одобренное рядовыми участниками, свидетельствовало о том, что они выступали за «действительную» советскую власть. Но преданные своими бывшими командирами, повстанцы были вынуждены сдаться и подверглись репрессиям. Как и другие подобные деяния, поощряемые в ОГПУ, эта вспышка протеста способствовала развязыванию еще большего государственного террора. В 1937-1938 гг. сталинский режим расправился с бывшими партизанскими вождями и ликвидировал угрозу, исходившую с их стороны.

Ключевые слова: бывшие партизаны, выступление, деревня, коллективизация, коммунисты, крестьянство, ОГПУ, повстанчество, репрессии, советская власть.

Alexander Petrovich Sheksheev

Khakass Republican organization

«Memorial Society», Abakan

turan47@yandex.ru

**«Knyazyukovschina» – one of the episodes
of peasant resistance during collectivization in Siberia**

This report covers a little-known episode of peasant armed resistance to collectivization that occurred in the summer of 1931 on the territory of the Abansky, Dzerzhinsky, Kansky and Taseyevsky districts of the East Siberian territory. The initiators and active participants of the speech, which received the name «knyazyukovschina» in the chekist environment after one of the leaders, were former partisans. The author tells about the difficult relations between the Soviet government and this category of the population, which became even more acute with the beginning of collectivization. The partisan community was divided and repeat-

edly harassed. Expressed in the form of «fermentation», «bagpipes» and cases of «banditry», the protest behavior of the peasants with the participation of former partisans has acquired its organizational forms and some political appearance. Based on the factual material presented in the archive documents of the chekist Department and showing the chronicle of events, the author concluded that this peasant performance in a series of similar events had a separate, local character and objectively should have ended in defeat. «Князыкуовщина» was aimed at changing only the village policy of the CPSU (b). the» Demand «created by the rebel leaders and approved by ordinary participants, indicated that they were in favor of» real « Soviet power. But betrayed by their former commanders, the rebels were forced to surrender and were repressed. Like other similar acts, promoted by the OGPU, this outbreak of protest contributed to the outbreak of an even greater state terror. In 1937-1938. the Stalinist regime dealt with the former partisan leaders and eliminated the threat posed by them.

Keywords: former partisans, speech, village, collectivization, Communists, peasantry, OGPU, insurgency, repression, Soviet power.

Освещая массовую и насильственную коллективизацию, историки существенно расходились в восприятии государственных репрессий и ответного крестьянского сопротивления. Так, рядом авторов они оценивались почти как гражданская война [3; 5]. К примеру, А.Н. Сахаров считал, что во время коллективизации имела место гражданская война между сторонниками коллективизации и крестьянами-единоличниками [14, 45, 52]. Напротив, по мнению С.А. Красильникова, противостояние власти и крестьянства было искусственным, порожденным и спровоцированным политическим режимом [10, 26-30]. Выступая против распространения понятия «гражданская война» на события начала 1930-х гг., В.В. Кондрашин, назвал их разрозненными и локальными протестами, так и не переросшими в крестьянское движение [9, 17].

Зачастую неоднозначная оценка происходившего основывалась на восприятии учеными содержания документов чекистского ведомства, в которых, как известно, политическая направленность крестьянского протеста представлялась в преувеличенном виде. Имеющаяся среди историков разногласия в отношении к этому источнику и противоречивая оценка событий способствует повышению актуальности любого обращения к исследованию протестного поведения крестьян как в целом, так и его отдельных групп в частности.

Коллективизация все более раскалывала сплоченную, казалось бы, категорию бывших партизан. Еще накануне «великого перелома» «сопротивление кулацкой части партизан, – сообщал отдел ОГПУ Красноярского округа, – было наиболее упорное и постоянно прикрываемое заслугами борьбы с колчаковщиной...». При этом чекисты отмечали отсутствие в деятельности этих лиц попыток организовать вокруг некоего центра [13, 190].

Поддерживая советскую власть и критикуя действия местных коммунистов, бывшие партизаны с оговорками говорили о своем вступлении в колхозы. Например, в редакцию одной из газет поступила анонимка следующего содержания: «Мы, партизаны Тасеевского района Канского округа, осознаем советскую власть, за которую боролись, не считаясь ни с чем. В настоящее время местные власти искажают директивы советской власти без всякой причины, конфискуя наше имущество (которое является не кулацким, а середняцким)». В указанном письме они соглашались на вступление в колхоз только после того, как из него «вычистят» бывших «белобандитов» и «кулаков» [12, 50].

В Каратузском районе Минусинского округа бывшие партизаны разделились на группы: лица, остающиеся с советской властью, и «попутчики, сросшиеся с кулаками». В с. Моторское бывший красноармеец Колосницын и кандидат в члены ВКП(б) Валов, вступив в колхоз, обратились с призывом следовать их примеру к бывшим партизанам, но те на это не согласились. Напротив, один из представителей «просоветского» течения крестьянин из с.

Буланка Я. Таль, разоренный в Гражданскую войну правительственным отрядом, заявил, что «если мы сейчас кулаков не расшибем, то они будут нас как при царе закабалять», и призвал жителей вступать в организуемый колхоз «Борьба с кулачеством»¹.

Случалось, что партийное руководство вмешивалось в «раскулачивание», решая исход его положительно для своих сторонников. Так, бюро Тасеевского райкома ВКП(б) было вынуждено обсуждать судьбу бывшего партизана Я.К. Вахрушева, хозяйство которого по экономической мощи подпадало под «раскулачивание». Однако он, как отмечали заседавшие, всегда был за проводимые партией мероприятия. В конечном итоге, коммунисты, решив подходить к Вахрушеву по его политическим убеждениям, отменили экспроприацию его хозяйства. Порой власти прислушивались к коллективному мнению бывших партизан. Когда их собрание в д. Островки Манского района Красноярского округа заявило о недопущении «раскулачивания» своих товарищей, то через два дня этот вопрос был поставлен перед уполномоченным райисполкома. По мнению одного из историков, охват коллективизацией крестьян в партизанских районах к весне 1930 г. был ниже, чем на остальной территории [12, 53, 113].

Между тем отношение властей и коммунистов к данной категории деревенского населения, начиная с коллективизации, резко изменилось. «Плохим партизанам» не только запретили проведение чисто партизанских съездов и конференций. Случалось, что на местах в них стали видеть врагов. К примеру, в Идринском районе трое мобилизованных на борьбу с «бандитизмом» партийцев посетили заимку бывшего партизана и пасечника-середняка Васильева, где, потребовав угощения спиртным, затем убили хозяина, изнасиловали его жену и застрелили их ребенка. Расследуя это дело, минусинские чекисты потребовали для преступников судебной ответственности².

¹ Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-64. Оп. 1. Д. 873. Л. 2, 7.

² Там же. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 1013. Л. 3.

Несмотря на то, что постановлениями ЦК ВКП(б) от 30 января и 24 февраля 1930 г. категорически запрещалось выселение семей, имевших в составе бывших красных партизан, красноармейцев и командиров РККА, местные органы, проводя коллективизацию, все чаще загоняли данных лиц в жернова «раскулачивания». К примеру, в марте того же года в с. Сабинка Бейского района Минусинского округа за «контрреволюционную агитацию» и угрозы в адрес лиц, «окулачивающих» крестьян, власти создали «дудное» дело против бывшего начальника конной разведки отряда Щетинкина Болдырева. В с. Табат были «раскулачены» бывшие партизаны Михалев, Полежаев и Шилов. В Нижнеудинском районе Канского округа экспроприации хозяйства подвергли не только колхозного передовика и партийца А. Шалыгина, но и в прошлом партизана Т. Строганова. К маю в Пировском районе Красноярского округа в списки «раскулачиваемых» включили всех бывших партизан, а в Партизанском – был репрессирован в прошлом помощник командира полка Омельченко. В Канском округе власти подвели под «пятикратное» обложение и ликвидировали хозяйства у 15 % всех лиц, считавшихся партизанами³.

Лишился избирательных прав и имущества участник борьбы с «бандой» Соловьева Е.П. Арыштаев из аала Чистеев Чебаковского района Хакасского округа. Когда же нашлись защитники, которые напомнили местным управленцам об его заслугах перед советской властью, то им разъяснили, что он ушел в партизаны для того, чтобы в дальнейшем сохранить хозяйство и не нести повинности. Ходатайство о восстановлении, направленное в ОГПУ его родственником и коммунистом И.И. Абдиным, было отклонено⁴.

В Тасеевском районе особым авторитетом пользовался бывший партизан Ф. Клеветер. В его хозяйстве были 26 десятин посева, три лошади и 14 коров. Несмотря на то, что при таких масштабах хозяйствования использова-

³ Там же. Д. 1019. Л. 267; Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 148; Д. 104. Л. 16, 80, 101; Ф. П-3. Оп. 3. Д. 109. Л. 14.

⁴ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия "Национальный архив" (ГКУ РХ НА). Ф. Р-16. Оп. 3 с. Д. 8. Л. 81.

лись батраки, хозяину удавалось трижды уходить от обложения. Бюро райкома партии признавало: «Клеветер имел влияние на несколько деревень, что он скажет, то и будет». Своими указаниями односельчанам Клеветер осложнял работу уполномоченным во время коллективизации. Уезжая в Москву, он заявил крестьянам: «... Вы в колхоз ни шагу». Вернувшись, он стал вести агитацию против создания колхозов, говоря, «что в России колхозы уже без хлеба, получится то и здесь». Вскоре Клеветер был арестован местным ОГПУ [12, 53].

После известной статьи И.В. Сталина весной 1930 г. «неправильно раскулаченные» партизанские хозяйства были восстановлены. Но новые волны выселения крестьян распространялись все шире и поглощали не только противников колхозного строительства.

Преследованию чекистами подвергся, например, участник солдатского восстания в г. Красноярске (июль 1919 г.) и партизанского движения, первый комсомолец с. Абаканское (Минусинский уезд) и бывший коммунист Г.Д. Котлов, ставший во время НЭПа частным фотографом. В апреле 1931 г. в районный аппарат ОГПУ на Котлова поступили доносы о том, что его фотография стала местом «контрреволюционной» агитации. Согласно этим сведениям, он заверял слушателей, что Коммунистическая партия и «жидовские» советы после смерти В.И. Ленина вступили на неправильный путь, который неизбежно закончится антикоммунистическим восстанием. 13 апреля 1931 г. Котлов был арестован, а на следующий день уполномоченный ОГПУ Н. Мехедов принял его дело к производству. На допросе Котлов не отрицал того, что выступал с критикой политики советской власти, но, обремененный семьей, просил возможности исправиться. 2 июля того же года Особая тройка при Полномочном представительстве (ПП) ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (ЗСК) приговорила обвиняемого в антисоветской агитации к пяти годам заключения в концлагере. Последующее после этого ходатайство бывших партизан во ВЦИК о его помиловании чекисты к адресату не пропустили. Оставшуюся жизнь прошедший пять лагерных сроков Котлов существовал с

клеймом «врага народа» и был реабилитирован лишь посмертно [17, 266-268; 2].

Соответственно с происходившим, бывшие партизаны в своих настроениях все более склонялись к активному протесту. Спецсводка ОГПУ от 1 июня 1930 г. отмечала, что в Канском округе «допущенные перегибы при проведении коллективизации, экспроприации кулачества в отношении бывших красных партизан отрицательно отразились на настроении последних...». В докладной записке от 20 июня того же года Канский окружной отдел ОГПУ сообщал, что «в силу допущенных перегибов и извращений линии партии ... среди бывших партизанских масс наблюдается особенное обостренное настроение, перешедшее от пассивного отношения к этим мероприятиям на путь противодействия и зачастую срыва проводимых мероприятий» [12, 50].

Минусинский бедняк Катцин возмущался: «Кровь проливали за Советскую власть, а оказалась не Советская власть, а грабировка, всех обобрали, и хлеба нигде нет, теперь жри суррогаты. Мы не боялись драться за советы, но не побоимся еще лучше драться против советов, но прав своих добьемся». Или партизанивший в прошлом середняк из Канского округа Ознацкий взывал к подобным себе: «Товарищи партизаны, мы боролись и знали, за что боролись, а нам этого ничего не дают, Советская власть и партия нам изменяют. Мы не забыли, как держать винтовку, у нас опять рука не дрогнет взять оружие» [8, 395].

Еще весной 1931 г. неизвестный коммунист сообщал властям о симптомах надвигающихся грозных событий. «Все говорят, – свидетельствовал он, – о том, что виноват Сталин, что Сталина надо убить». Этот партиец писал, что местные органы, стараясь держать все в тайне, «ничего не предпринимают». А между тем «участились случаи перехода на сторону восставших коммунистов и комсомольцев, в Тасеевский район посланы 16 организаторов восстания, ожидается оно и вблизи Канска [,] ... и каждый день промедления, – предупреждал он, – очень дорого будет стоить» [4].

Подпитывало недовольство этой категории населения и выселение «кулаков», состоявшееся в мае-июне 1931 г. В списки данных лиц, составленные по 27 районам ЗСК, были включены 2,1 тыс. середняков и бывших партизан⁵.

Как сообщало позднее обвинительное заключение ОГПУ, инициативным ядром крестьянского выступления, названного по имени одного из руководителей и бывшего красного партизана И.Я. Князюка «князюковщиной», являлись лица, в прошлом партизанившие, недовольные своим положением и не разделявшие «генеральной линии партии». Они якобы создали группу в д. Денисово Дзержинского района Восточно-Сибирского края (ВСК), ставшую потом межрайонным штабом организации⁶. При этом движение пополнялось «кулаками» и «антисоветскими» элементами. Так, например, среди 82 участников, дела которых уже потом доследовались органами, якобы имелись восемь бывших офицеров и дружинников, трое служащих, административно-ссылный, трое баптистов, одиннадцать лиц, ранее судимых, четырнадцать бывших партизан и трое – изгнанных из ВКП(б)⁷.

С весны 1931 г. будто бы существовали «подпольные организации» в Абанском, Дзержинском и Тасеевском районах ВСК. Сформированные ячейки образовали группы, которые в количестве 500 членов находились в 90 поселениях. По сообщению чекистов, будущие повстанцы собирали оружие, налаживали связи с военнослужащими Канского гарнизона, с минусинскими, манскими и казачинскими товарищами по партизанской борьбе⁸.

Согласно информации, собранной ОГПУ, нити «партизанского заговора» тянулись в Москву, к их знаменитому земляку, бывшему председателю Армейского совета, Канского уездного ревкома и исполкома, наркому земледелия РСФСР В.Г. Яковенко. Последний, как свидетельствовал позднее, на допросе 2 марта 1932 г., его сослуживец С.М. Данилов, уже с 1927 г. крити-

⁵ ГА НО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 234. Л. 4.

⁶ Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. 014434. Т. 10. Л. 1.

⁷ Там же. Д. П-17595. Т. 5. Л.147.

⁸ АУ ФСБ. Д. 014434. Т. 10. Л. 5.

чески относился к деятельности коммунистов в деревне, а «брожение» среди бывших партизан началось после его посещения д. Денисово. Он же показал, что в июне-июле 1930 г. такие в прошлом партизанские вожаки, как Т. Рузвельт и И. Нижегородов, посетив Москву, привезли от Яковенко указание повременить с выступлением, но продолжить работу по сплочению бывших партизан для свержения сталинской диктатуры. Оба они затем, вдруг, уехали из г. Канска на Сахалин⁹. В декабре того же года и в январе 1931 г. «подпольщиков» якобы посетил представитель руководящего ядра организации и уполномоченный краевого исполкома по хлебозаготовкам П.В. Фадеев, который и привез им инструкции укреплять свои организации и готовить их к восстанию¹⁰.

Состоявшийся 25 мая 1931 г. нелегальный съезд из 20 представителей абанских «подпольщиков» утвердил дату выступления – 1 июня 1931 г. и избрал штаб во главе с Д.А. Владимировым и членами М.А. Чупиным, К.А. Игнаткиным и др. Но операция чекистов по захвату активистов предотвратила намеченные события. Бежавшие 14-15 «заговорщиков» после неоднократного переноса даты наметили выступление на 12 июля¹¹.

На общественном сходе в д. Рассол Дзержинского района 4-5 или 6-7 июня было объявлено о начавшемся восстании. Под руководством И.Я. Князюка образовался штаб, а 600-700 восставших крестьян, вооруженных и безоружных, составили два пехотных батальона во главе с П. Зюнькиным, И. Нарушкевичем и конный эскадрон в 150 человек. Восставшие предполагали привлечь на свою сторону население, занять г. Канск и добиться от правительства изменения крестьянской политики [11]¹².

Чтобы избежать кровопролития, из г. Красноярска в с. Дзержинское выехал бывший командующий партизанской армией Северо-Канского фронта Н.М. Буда и обратился к восставшим с воззванием. Следом для перегово-

⁹ Там же. Д. П-17595. Т. 2. Л. 95, 169; Д. 014434. Т. 10. Л. 1, 3, 8.

¹⁰ Там же. Д. 014434. Т. 10. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 11-12.

¹² Там же. Л. 14, 568.

ров в д. Рассол прибыли председатель Дзержинского РИКа Гладких, представитель крайкома ВКП(б) Кипарисов, известные партизаны Быстров, Горохов и др., но повстанческий штаб отклонил переговоры [11].

Повстанческое командование написало «Требование», утвержденное собранием восставших крестьян. В этом документе бывшие партизаны, констатируя, что прежняя деревня уничтожена, а Коммунистическая партия переродилась, выступали за реальную советскую власть. В полном виде текст его гласил: «Требование против классового расслоения в трудовом крестьянстве. Партия впустила в свои ряды буржуазию. Деревня разорена. В стране рабочих и крестьян все тюрьмы заполнены ими же. Требуем действительную Советскую власть и свободу трудового народа. Кто заставил беззащитное крестьянство бороться за дробовики? Почему нет веры крестьянину? Почему только приказывают? Кулачат середняка без согласия общих собраний, запугивают уполномоченные. Пролетарский дух революции падает. Почему пала промышленность? Где тракторы и МТС? Скотоводство? Кто планирует брать по контрактации последнюю корову? Где смычка с крестьянством [?] Заветы Ленина забыты. Что заставляет крестьянство рушить свое хозяйство? Призываем нашу партию и советскую власть, наших братьев и сынов Красной армии и бывших партизан, рабочий класс разобраться в этом деле и наказать свору, обострившую отношения. Иначе мы, возможно, по неосознанности наших братьев и померем, но не сложим оружия до тех пор пока не добьемся действительного освобождения рабочих и крестьян. Князюк, Мищик, Тарасов»¹³. Первый экземпляр воззвания был вручен представителям власти, а другие – переданы для зачитывания по деревням. С этим «Требованием» повстанцы начали, организуя митинги, объезжать окрестные селения и воздействовать на настроения деревни. 11 июня повстанцы численностью уже в 800 человек двинулись на с. Дзержинское.

Следом, но только 5 июля выступили крестьяне д. Георгиевка и Александровка Абанского района. И лишь 8-12 июля началось восстание в д. Вос-

¹³ АУ ФСБ. Д. 014434. Т. 15. Л. 28-33. Орфография подлинника сохранена.

кресенка. Собравшиеся 240-250 крестьян избрали командующим Н.И. Толстикова и штаб во главе с бывшим партизаном и чекистом М.А. Чупиным. Тут же они образовали пехотные отряды К.Н. Маталыгина, С.Т. Луцкая, а также конный – А. Лашинского численностью в 70 кавалеристов.

7 июля в д. Сивохино Тасеевского района состоялось выступление крестьян, отказавшихся выдавать выселяемых «кулаков». В массовой «волынке» приняли участие до тысячи крестьян, а митингами были охвачены жители десяти селений. Затем образовались Сивохинский (руководители братья Шилько), Унжинский (бывший унтер-офицер Ф.Е. Ткачук) и Троицко-Заводской отряды общей численностью в 230-240 членов. Но лишь 20 июля они объявили о начале восстания¹⁴.

В целом участниками состоявшегося в июне-июле 1931 г. выступления стали 1200 крестьян и, в частности 200 бывших партизан. Оно охватило представителей всех слоев крестьянства. К примеру, среди уже упомянутых 82 «князюковцев» имелись 27 «кулаков» и зажиточных, 45 середняков и пять бедняков. Многие участники являлись в прошлом переселенцами, лицами белорусской и украинской национальности. Бывшие партизаны записались в прежние роты с привычным командным составом и отчаянно демонстрировали вооруженную силу с предъявлением властям ультиматума¹⁵.

Захватывая селения и избивая сельских активистов, повстанцы обезоружили и произвели аресты коммунистов и должностных лиц. Они разграбили четыре сельпо, три колхоза и столько же государственных складов, разрушили телеграфно-телефонную линию между с. Абан и г. Канск, убили четырёх и ранили 12 представителей власти. В частности, из засады, организованной «бандой» Шилько у д. Сивохино, ранения получили начальник секретно-политического отдела (СПО) Красноярского оперативного сектора ОГПУ И.С. Тумахевич, бывший партизан Ключников и ряд управленцев

¹⁴ Там же. Т. 10. Л. 7-8; Д. П-17595. Т. 5. Л. 145-147.

¹⁵ Там же. Д. 019765. Т. 11. Л. 3, 8; Д. 014434. Т. 10. Л. 5; Т. 15. Л. 28-33.

Абанского и Дзержинского районов. Бывшим колхозником и повстанческим добровольцем Н.Ф. Чернявским был застрелен начальник Восточно-Сибирской краевой милиции и помощник Полномочного представителя ОГПУ ВСК по милиции Ф.М. Крумин.

Местные власти не решились послать против повстанцев красноармейцев, которые могли перейти на сторону восставших. На подавление были выставлены вооруженные отряды численностью в 314 коммунистов, комсомольцев, милиционеров и чекистов, которые задержали распространение восстания [13, 199]. В Дзержинском районе повстанцы так и не захватили районное село. Состоялись лишь перестрелки с правительственными войсками под д. Рассол и Батов. Выделенный для вторжения в Тасеевский район конный отряд Т.Н. Махинько из 100-150 всадников, вооруженных десятью трехлинейными винтовками, 20 берданками, 30 дробовиками и располагавших только 70 седлами, был встречен у д. Борки хорошо вооруженным противником и после перестрелки отступил. Потеряв в боях 29 человек убитыми, 16 – ранеными, повстанцы были окружены отрядами ОГПУ. Отогнанные от административного центра, они оказались разбитыми в Абанском районе. После нескольких стычек с чекистами мятежники стали расходиться и в Тасеевском районе¹⁶.

Но на завершение этого выступления воздействие оказало не столько военное поражение, сколько нечто закулисное, тайное во взаимоотношениях повстанческих командиров со своими бывшими товарищами по оружию, занимавшими высокие посты в иерархии режима и, видимо, предавшими основную массу рядовых партизан. Об этом можно судить из протокола допроса 13-14 августа 1931 г. бывшего военного руководителя повстанцев в Дзержинском районе А.С. Мищика. Он показал, что 8 июня 1931 г. в д. Рассол, где находился повстанческий отряд Князюка, для переговоров приезжали начальник Красноярского оперсектора ОГПУ С.М. Буда, бывший в Граждан-

¹⁶ Там же. Д. 019765. Т. 11. Л. 41-42; Д. 019692. Т. 3. Л. 751; ГА НО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 117. Л. 55-56.

скую войну председателем следственной комиссии при Армейском совете тасеевских партизан, и представители партийно-советского руководства. Во время митинга, имевшего место 11 июня в д. Шеломки, Князюку была подана телеграмма с требованием немедленной сдачи оружия и роспуска повстанцев. Расстроенный Гладких уехал без объяснений, а Князюк бросил ему вслед: «Вы все хотите спрятаться за мою спину. Становитесь за нее – буду отвечать один».

Возмущенный тем, что в решающий момент его бросили союзники, Князюк больше не верил в успех повстанчества. Среди его сторонников стали распространяться листовки о необходимости сдачи, подписанные Н.М. Будой. Видя бессмысленность дальнейших жертв, Князюк распустил повстанцев. Мищик показал, что уже после подавления восстания, ему поступило сообщение от бывшего комбата повстанцев П. Зюнькина о его встрече в Канске со снятым с должности секретарем Дзержинского райкома ВКП(б) Калининским, изругавшим повстанческое руководство за преждевременное выступление безоружных людей¹⁷.

Предательство «князюковцев» своими бывшими командирами, которых, в свою очередь, обманули власти, подтверждается и воспоминаниями современников. С появлением арестованных участников этого выступления в стенах Красноярской тюрьмы слухи об этом расходились среди заключенных [1].

Власти объявили мятежникам о готовности принять часть их условий и произвели смену нескольких районных руководителей [9, 199], но потребовали немедленной сдачи оружия и роспуска отрядов. После обещания командующим правительственными силами Н.М. Будой амнистии и расследования случаев административных перегибов восстание к 20 июня 1931 г. прекратилось в Дзержинском и в июле – в Тасеевском, Канском и Абанском районах. Но некоторые его участники продолжали борьбу и сдались позднее. Члены Унжинской «банды», столкнувшись с отрядом ОГПУ, ранили двоих

¹⁷ АУ ФСБ. Д. П-17595. Т. 2. Л. 313.

красноармейцев. Повстанцы из д. Сивохино имели бой с коммунистическим отрядом и оставались в тайге вплоть до зимы 1931/32 г. Они вышли сдаваться властям и были арестованы только 14 января 1932 г.¹⁸

Как показывают чекистские документы, население повстанческих районов было насыщено секретными сотрудниками ОГПУ. Распространение этого явления позволяло органам быть осведомленными в подготовке восстания, а доведение крестьян до него говорило о том, что у чекистов, кроме желания подавить протестное поведение, возможной являлась и иная цель деятельности, например, расширения и оправдания масштабов репрессий. Наличие «подпольных организаций», о которых столь много говорилось в обвинительном заключении, должно было свидетельствовать о высокой степени организованности будущих повстанцев. Однако этому противоречило отсутствие единого выступления. Вероятно, оно было жестом отчаяния насильюемого властями крестьянства с характерными для таких явлений свойствами.

Со стороны чекистов, скорее всего, присутствовало привычное им мифотворчество. Отдельные подследственные, к примеру, отрицали свою вину. Так, Е.Е. Шилько засвидетельствовал, что о существовании подпольной организации не знал и соответственно в ней не состоял. Имевшие место в д. Сивохино летом 1931 г. события носили, по его мнению, случайный характер, а в руководители его избрал народ. Но вскоре «сборище», испугавшись ответственности, свидетельствовал он, стало расходиться. Другой участник событий, В.Н. Гришан, отбывший десятилетнее наказание, потом жаловался в соответствующие органы, что на следствии чекисты его принудили оговорить себя¹⁹.

Несмотря на то, что присутствие в рядах повстанчества бывших партизан, еще недавних союзников по борьбе за советскую власть, должно было смягчить характер репрессий, многие из его участников столкнулись с реаль-

¹⁸ Там же. Т. 5. Л.165; Т. 4. Л. 3.

¹⁹ Там же. Т. 5. Л. 146, 163, 275.

ным испытанием своей судьбы. К следствию были привлечены 826 арестованных «князюковцев». Заключение Красноярской тюрьмы потом свидетельствовали, как к её воротам подъезжали машина за машиной, переполненные арестованными [1].

В январе и августе 1932 г. состоялись заседания Особой тройки при ПП ОГПУ по ВСК, 22 августа и 14 октября того же года – Особого совещания при Коллегии ОГПУ, которые рассмотрели дела 432 или 436 подсудимых. По разным причинам из них были выделены дела 82 человек, которые тройка при ПП ОГПУ рассмотрела уже 7 декабря 1932 г. Согласно итогам расследования, двенадцать активистов были приговорены к расстрелу, но затем девяти из них этот приговор был заменен десятилетним заключением, а прочие – осуждены и отправлены в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) с солидными сроками*. Признанные ненадежными в политическом отношении, жители районов, охваченных «князюковщиной», целыми деревнями были переселены в Забайкалье [15, 58; 7, 208]²⁰.

Добиваясь окончательного раскола партизанского сообщества, власти прибегли к перерегистрации его членов. В конце 1933 – начале 1934 г. они распространили «Инструкцию», запретившую выдавать членские билеты и обеспечивать льготами бывших партизанам и красногвардейцев, лишившихся избирательных прав, отнесенным к категории «классово-чуждых элементов», осужденным за «контрреволюционные» преступления, «бандитизм», а также состоявшим членами отрядов, которые не имели руководства со стороны большевиков.

Бывшие партизаны и далее так и не утратили способности к сопротивлению. В марте 1932 г. среди данной категории населения Нижнеудинского и Канского районов наблюдались коллективные отказы приступать к посевным

*Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости по отношению жертв репрессий, имевших место в период 30-х и начале 50-х годов" все эти лица были реабилитированы.

²⁰ АУ ФСБ. Д. П-4946. Т. 1. Л. 28; Т. 4. Л. 211; Д. 014434. Т. 10. Л. 103, 527-532, 565; Д. П-17595. Т. 5. Л. 145-149, 173.

работам и заявления о массовом уходе в тайгу. В силу компактного проживания в сравнительно труднодоступных местах и нежелания обобществлять с трудом нажитое имущество и скот некоторые из этих людей какое-то время оставались вне колхозов. Так, весной 1935 г. в Партизанском районе из 450 бывших партизан в коллективных хозяйствах состояли 57 человек, а уровень коллективизации в Заманье вырос лишь до 30 %. И только во время весенне-полевых работ под воздействием приезжих уполномоченных он резко повышался. Летом 1936 г. ветераны, которых органы НКВД пока не трогали, громко отпраздновали 17-летие Кайтымского боя [16, 296]²¹.

Но проявлявшие лояльность к советской власти бывшие партизаны вызвали все большее раздражение у местных партийных управленцев. Называя их потенциальными «махновцами» и вооружившись соответствующими документами, секретари Абанского, Дзержинского и Тасеевского райкомов партии неоднократно обращались с секретными записками в краевой комитет ВКП(б) и управление НКВД, в которых излагали просьбу немедленного решения судьбы этих людей.

Только в связи с разоблачением «троцкистского заговора» НКВД начал аресты бывших руководителей партизанского движения. Одним из первых был арестован В.П. Шевелев-Лубков. Доставленный в октябре 1936 г. в Красноярскую тюрьму и переправленный затем в Новосибирск, он вскоре оказался только первым в череде подобных же лиц, консолидация которых не признавалась политическим режимом.

С «разоблачением» в Москве В.Г. Яковенко, якобы посылавшего в Сибирь директивы о подготовке «кулацкого» восстания, местным повстанческим вождем был «назначен» Н.М. Буда, служивший тогда заведующим приемной председателя Красноярского краевого исполкома. Позднее ответственные лица заявляли, что он и его товарищи «продались» японской разведке. По версии же исследователя, Буда дал положительную характеристику своему армейскому сослуживцу Лапину, которая не спасла того от ареста.

²¹ ГА КК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 36. Л. 30; Ф. П-26. Оп. 1. Д. 149. Л. 4.

Покаявшегося, его строго предупредили, но от партийного взыскания не освободили, после чего бывший командарм «ушел в запой». 17 апреля 1937 г. его арестовали, а в письменном столе нашли 200 завалявшихся крестьянских жалоб. Прождав некоторое время, секретарь Тасеевского райкома партии Кулашников в нетерпении кинулся арестовывать бывших партизан. Его первыми жертвами стали 60 крестьян [6].

Во время «большого террора» 1937-1938 гг. новые сталинские кадры расправились с бывшими партизанскими вождями, склонными к конфронтации между собой и властью. Органами НКВД были «раскрыты» «контрреволюционные, правотроцкистские организации», по делу которых аресту подверглись и погибли такие известные партизаны, как П.А. и Ф.А. Астафьевы, Ф.Я. Бабкин, С.Т. Баталов, Н.М. Буда, П.Я. Быстров, П.Д. Евдокимов, Е.Д. Кочергин, В.И. Кренц, П.Л. Лыткин, А.М. Марченко, Г.А. Нюня, М.Х. Перевалов, П.П. Петров, Е.К. Рудаков, М.Т. Савицкий, С.Г. Семишев, Г.В. Шаклейн, В.Г. Яковенко и др. Репрессиям подверглись и лица, руководившие ликвидацией «князюковщины», – чекисты С.М. Буда, И.С. Тумахевич и др.

Таким образом, существовавшие во время коллективизации репрессивные кампании государства и вызванные ими акции протестного поведения крестьян являлись содержательными, масштабными и жестокими, но вспышки вооруженного противостояния были незначительными. Существовавшие во время новой экономической политики непростые отношения между советской властью и бывшими партизанами с началом коллективизации еще более обострились. Партизанское сообщество оказалось расколотым: часть его поддержала мероприятия советской власти, другая – подверглась репрессиям, а третья – оставаясь в деревне в качестве дискриминируемой группы населения, выражала недовольство политикой государства и действиями местных партийцев. Но протестное поведение крестьян вряд ли подогревалось и руководилось «контрреволюционными организациями». Оно выражалось в виде «брожения», недовольства, стихийных, хотя и массовых «волы-

нок», а также – случаев «бандитизма». Скорее всего так называемая и провоцируемая чекистами «князюковщина» являлась крестьянским бунтом. Она обрела организационные формы и некоторые политические лозунги лишь потому, что её участниками стали бывшие партизаны. Однако борьба этих лиц была направлена не столько против советской власти, сколько на изменение её деревенской политики. Преданные своими бывшими командирами, «князюковцы» были вынуждены сдаться и подверглись суровой расправе. Вернувшись во время «большого террора» к определению судьбы бывших партизан, сталинский режим окончательно избавился от угрозы волнений, исходящей от этой категории людей.

Библиографический список

1. *Борис Смирнов*. Воспоминания [Электронный ресурс] / URL: <http://memorial.krsk.ru/>.
2. *Васильев Г.* Облака плывут в Абакан // Красноярское общество Мемориал [Электронный ресурс] / URL: <http://www.memorial.krsk.ru>.
3. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 367 с.
4. *Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.* М., 1998 [Электронный ресурс] / URL: http://www.krasrab.com/archive/2006/08/03/12/view_article.
5. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 96 с.
6. *Ильин А.С.* Кадровая революция 1937 года [Электронный ресурс] / URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/07.htm>.

7. *Ильин А.* Каинова печать: доцент, матрос и другие в котле сибирской индустрии. Красноярск: Изд-во «Боргес», 2005. 302 с.

8. Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.: Сб. док-в. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.

9. *Кондрашин В.В.* Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917-декабрь 1922 г.): сб. мат-в Всеросс. науч. конф. с международ. участием. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 16-23.

10. *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 285 с.

11. Крестьянское восстание в 1931 году [Электронный ресурс] / URL: <http://is2006.livejournal.com/1852395.html>.

12. *Макаров А.А.* Власть и общество в Сибири: 1927-1933 гг. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. 184 с.

13. *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 440 с.

14. *Сахаров А.Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40-69.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док-ты и мат-лы в 5 томах. 1927-1939. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 927 с.

16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док-ты и мат-лы в 5 томах. 1927-1939. Т. 3. Конец 1930-1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 1008 с.

17. *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 594 с.

References

1. Boris Smirnov. Vospominaniya [Elektronnyj resurs] / URL: [http:// memorial.krsk.ru/](http://memorial.krsk.ru/).
2. Vasil'ev G. Oblaka plyvut v Abakan // Krasnoyarskoe obshchestvo Memorial [Elektronnyj resurs] / URL: <http://www.memorial.krsk.ru>.
3. Viola L. Krest'yanskij bunt v epohu Stalina: Kollektivizaciya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2010. 367 s.
4. Golos naroda: pis'ma i otkliki ryadovyh sovetskih grazhdan o sobytyah 1918-1932 gg. M., 1998 [Elektronnyj resurs] / URL: http://www.krasrab.com/archive/2006/08/03/12/view_article.
5. Graciozi A. Velikaya krest'yanskaya vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917-1933 / Per. s angl. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001. 96 s.
6. Il'in A.S. Kadrovaya revolyuciya 1937 goda [Elektronnyj resurs] / URL: [http:// memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/07.htm](http://memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/07.htm).
7. Il'in A. Kainova pechat': docent, matros i drugie v kotle sibirskoj industrii. Krasnoyarsk: Izd-vo «Borges», 2005. 302 s.
8. Kollektivizaciya sibirskoj derevni. YAnvar' – maj 1930 g.: Sb. dok-v. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2009. 488 s.
9. Kondrashin V.V. Diskussionnye problemy krest'yanskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny // Grazhdanskaya vojna na vostoce Rossii (noyabr' 1917-dekabr' 1922 g.): sb. mat-v Vseross. nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiem. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019. S. 16-23.
10. Krasil'nikov S.A. Serp i Moloh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2003. 285 s.
11. Krest'yanskoe vosstanie v 1931 godu [Elektronnyj resurs] / URL: [http:// is2006.livejournal.com/1852395.html](http://is2006.livejournal.com/1852395.html).

12. Makarov A.A. Vlast' i obshchestvo v Sibiri: 1927-1933 gg. Abakan: Hak. kn. izd-vo, 2010. 184 s.
13. Papkov S.A. Obyknovennyj terror. Politika stalinizma v Sibiri. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2012. 440 s.
14. Saharov A.N. 1930: god «korenного pereloma» i nachala Bol'shogo terrora // Voprosy istorii. 2008. № 9. S. 40-69.
15. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie: Dok-ty i mat-ly v 5 tomah. 1927-1939. T. 2. Noyabr' 1929 – dekabr' 1930. / Pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. 927 s.
16. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie: Dok-ty i mat-ly v 5 tomah. 1927-1939. T. 3. Konec 1930-1933 / Pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001. 1008 s.
17. SHeksheev A.P. Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennye. Abakan: Hak. kn. izd-vo, 2006. 594 s.